

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Кандора Руслана Султановича «Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы (XIX – начало XX в.)», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

История России – это история Евразии, на территории которой проживали и проживают сотни народов. Принципиальнейший вопрос ее прошлого – формы и методы «собирания» земель, включения народов с иными этническими и конфессиональными традициями в единое целое, поскольку от качества вхождения во многом зависит современное мироощущение этноса.

Данное положение имеет особую важность для народов Северного Кавказа, которые вошли в состав России в ходе многолетней Кавказской войны. Каковы же «скрепы», которые позволили создать мощное централизованное государство, несмотря на внешние и внутренние акторы противостояния? Считаем, что рецензируемая диссертация, решая локальные вопросы вступления Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи, дает ответ и на макрополитические проблемы формирования единого российского социума.

Р.С. Кандор посвятил изучению актуальной проблемы российской исторической науки – историческому опыту формирования Российской империи более двадцати лет, что позволило решить сложную научную проблему. Не случайно, значительное место в диссертации отведено изучению природы российской государственности и практики выстраивания ее отношений с окраинами.

Многолетняя полемика в научном сообществе, СМИ, интернет-пространстве о судьбе адыгов ушедших в Турцию после Кавказской войны, о праве строителей возводить олимпийские спортивные объекты на местах кровопролитных боев горцев с российским войсками (Красная поляна), участившиеся всплески национального противостояния в Краснодарском крае подчеркивают актуальность заявленной темы. Обществу, правительству, руководителям регионов, чиновникам разного ранга Республики Адыгея сегодня крайне нужны научные рекомендации по совершенствованию методов административного управления.

Современная политическая система жизнедеятельности адыгов наглядно свидетельствует, что Российская империя приложила немало сил на

их структурную адаптацию к новым условиям, включению в административно-политическую систему, формированию российской идентичности, национально-государственному строительству, которое, независимо/зависимо от контекста военного противостояния в XIX веке, имеет глубокие исторические корни.

Рецензируемая работа структурирована в соответствии с заявленной целью и направлена на реализацию основных задач исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, девяти параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Вместе с тем, хотелось бы увидеть в оглавлении авторскую трактовку ряда иных аспектов научной работы: понятийно-терминологический аппарат исследования и источниковедческий анализ привлеченных документов. Концепт исследования «инкорпорация» многозначен. Его используют юристы, политологии, историки, вкладывая различное содержание в его сущность. В академическом словаре под ним понимается процесс «присоединения к государству страны, бывшей самостоятельной». Но здесь же предлагается и иное толкование «присоединение к государству новой территории». Понятно, что смысл и содержание понятий «страна» и «территория» не идентичны. Это касается и многих других терминов, используемых в тексте.

Во введении работы обоснована актуальность, теоретическая и практическая значимость темы, заявлена цель и задачи исследования, определены его объект и предмет, методологическая и теоретическая основа. Но указанные хронологические рамки исследования от XIX в. до начала XX в. (С. 6.) нуждаются в уточнении.

Раздел «Источники» (С. 7-12) требует большего внимания. Названы проработанные фонды различных архивохранилищ РФ и Республики Грузия, но не сказано, что именно там выявлено и является ли этот материал новым в историографии. Хотелось бы увидеть видовую классификацию источников, ставшую обязательным атрибутом квалификационных работ в исторических исследованиях.

Немаловажной категорией источников, справедливо подчеркивает соискатель, являются источники личного происхождения авторов XVIII – XIX в., в которых имеются ценные заметки о системе управления адыгов. К их числу отнесены труды иностранцев, посещавших Черкесию с военно-политическими, дипломатическими или коммерческими целями: Я. Потоцкого, Ю. Клапрота, К. Пейсонеля, Т. Де Мариньи, Ф.Д. де Монпере, Э. Спенсера, Дж. Белла, Дж. Лонгвортса, Осман-бея, Т. Лапинского, А. Фонвиля и др., фиксировавших, в том числе, деформацию традиционных структур

управления черкесских субэтносов. Небольшие выдержки из этих трудов были опубликованы замечательным кавказоведом В.К. Гардановым в сборнике «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв.» (1974 г.), которые использовались автором. Сегодня этот ряд публикаций значительно расширен. Хотелось бы не только увидеть в перечне, но и в тексте диссертации ссылки на работы переведенные и опубликованные в последние годы в РФ.

Раздел введения «Теоретико-методологическая основа исследования» (С. 12), по нашему мнению, не на месте. Ведь именно так назван 1 параграф первой главы. Перечисление методов изучения системы управления у адыгов ничего не дает для осмыслиния научной лаборатории исследователя. Отмеченные шероховатости ослабляют введение диссертации.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования» посвящена, по сложившейся в исторической науке традиции, анализу теоретических аспектов диссертации. В 1 параграфе приведен сведения о традиционной культуре, новшествах, инновациях, модернизации аграрного общества, показан процесс изучения социального бытия у народов различных регионов нашей планеты (Индии, Китая, Японии, народам Африки, Ближнего Востока). Но этот важный сам по себе блок информации «не привязан» к конкретному региону, к теме исследования, что ставит вопросы о его необходимости.

Второй параграф осторожно обозначен как «Историография проблемы: основные тенденции развития». Сложность и многогранность исследуемой проблемы потребовали, правомерно отмечает соискатель, привлечения разных по научной направленности и информационной насыщенности историографических источников.

История адыгов Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX в. уже не одно столетие исследуется зарубежными и отечественными учеными. Вопросы изменения традиционной системы управления и социальной организации адыгов затрагивались многими авторами, давая различные оценки характера управления народами региона.

Значительный объем публикаций по теме диссертации автор разделил на пять групп. Но принципы данной типологизации не обоснованы. В одной из первых особых (?) групп (С. 68), почему не первой (?), собраны работы общетеоретического плана, позволяющие осмыслить такие базовые для данного исследования категории, как «власть», «традиции управления», «инновации» и др. Приведен историографический анализ трудов Л.Е. Куббеля, В.В. Бочарова, Л. Вольтмана, в которых отсутствует информация по теме и региону, а затем исследования В. Тишкова, М. Кучукова, Э. Панеш и

др. по истории Кавказа. В заключение обзора данной группы сделан интересный, но никак не связанный с вышеприведенным текстом вывод автора о том, что «внутренний трансформационный потенциал традиционных структур управления Западной Черкесии объясняет симбиоз различных форм власти в регионе – как княжеской, общественной, субэтнической, союзной и архаической. Суть такой структуры управления сводится к тому, что какая бы часть ее ни была по той или иной причине разрушена, или под давлением, влиянием привносимых извне структур не изменила бы свою форму, всегда остаются другие ее составляющие, сохраняя и обеспечивая политическую, а в известном смысле, и этническую жизнеспособность» (С. 76). Каким же образом сложился данный симбиоз? Какая форма власти оказалась наиболее жизнестойкой? Почему?

В следующую особую (?) группу историографических источников соискатель отобрал работы отечественных исследователей, посвященных мусульманской правовой идеологии. Но в этом перечне ученых почему-то оказались известные теоретики имперского развития государств: А. Каппелер, И. Герасимов, С. Глебов, Я. Кусбер, М. Могильнер и А. Семенов (С. 87–90), не затрагивавших вопросы ислама. Их место, по предложенной соискателем схеме, конечно, в первом ряду.

Третью общность составили обобщающие исследования, посвященные истории народов Северного Кавказа, в которых указаны факторы, дающие возможность понять природу и происхождение отдельных элементов традиционной системы управления.

К четвертой линии отнесены представители дагестанской академической научной школы: Х.-М. О. Хашаев, Р.М. Магомедов, С.Ш. Гаджиева, Османов М.-З. О., А.Р. Шахсаидов, В.Г. Гаджиев, и др. (С. 92), которые, в том числе, сравнивали и общинные порядки Нагорного Дагестана с древнегреческими полисами. Напрашивается параллель для сравнения с демократическими народами Северо-Западного Кавказа, но этот шаг соискатель не сделал. Значимо наблюдение автора о том, что незначительная по площади территория обитания в Дагестане позволяла населению пристально наблюдать за «элитой» и эффективно противостоять желанию отдельных персон монополизировать власть и при необходимости вводить прямое демократическое правление (С. 93). Данный тезис нашел фактологическое подтверждение в тексте диссертации.

Пятую (базовую) (?) группу составили труды о социально-экономическом, политическом и культурном развитии адыгов (С. 99 – 123), позволяющие, по мнению автора, реконструировать состояние адыгского общества и традиционной системы управления адыгов в XIX – начале XX в.,

которые разделены на три периода – дореволюционный, советский и постсоветский. На наш взгляд, соискатель необоснованно обошел вниманием существующие историографические работы, в которых ранее были сделаны обзоры литературы по исследуемой им теме (Э. Шеуджен, Ф. Гутнов, Т. Кумыков, А. Бижев, П. Кузьминов, И. Бабич, Г. Шевченко и др.). Отсутствует анализ конкретного вклада цитируемых авторов в изучаемую тему и обоснованность их наблюдений. Не сфокусировано внимание на концепциях исследователей. Автор упустил из виду дискуссию о горском феодализме, заставившую в 70-е гг. XX в. глубоко задуматься советских кавказоведов о характере общественных отношений, роли общины, структуре аульного управления у горцев Северного Кавказа.

Первая глава значительно выиграла бы, если бы один из параграфов был посвящен источниковедческому анализу документальных материалов, используемых в диссертации.

Вторая глава посвящена изучению традиционных форм управления адыгов Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в., социального строя, уровня общественных отношений, роли и места Бзиюкской битвы в вооруженном конфликте «аристократических» и «демократических» народов региона.

Привлекая значительный объем архивных документов соискатель детально освещает традиционные формы социально-политической организации адыгского общества, показывает роль исламского фактора в организации традиционных институтов власти.

Опираясь на концепт В.Х. Кажарова о вотчине-общине, автор детализирует форму управления аулом. Но события 1797 г., по его мнению, привели к трансформации управления, которое сопровождалось у шапсугов, натухаевцев и абадзехов упадком традиционной вотчинной организации и широким распространением мелких тльфокотльских вотчин нового типа. Тльфокотли из объектов управления стали его субъектами (С. 152). Представляется, что данный вопрос требует более глубокого анализа.

Укрепления ислама в общественном сознании адыгов и нарастании экспансионистских устремлений Российской империи на Кавказе в середине 30-х гг. XIX в. привело к формированию политico-правового контента модернизации традиционной системы управления. Правовое оформление, считает соискатель, данный подход получил в 1841 г. на общенонародном собрании представителей «демократических» черкесских субэтносов на р. Пшеха, когда был принят союзный договор – «Дефтер» (С. 181).

Детально освещен переломный этап трансформации традиционной системы управления, вошедший в историю Черкесии под названием «Пши-

орк зау» (С. 192), в основе которого был вопрос о равенстве свободных сословий. Свободные бжедугские крестьяне-тльфокотли требовали политической власти в управлении аулами. Противостояние завершилось вооруженным нападением крестьян на съезд князей и убийством нескольких князей во главе со старшим князем Бжедугии Пшемафом Кунчуковым (С. 213).

В результате победы тльфокотлей и реформаторского движения, Бжедугское княжество перестало существовать. Верховная политическая власть, захваченная лидерами тльфокотлей, была передана наибу Шамиля – Магомет Амину.

В третьей главе обоснованы причины социально-правовых преобразований у адыгов в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. Основным звеном, непосредственно связанным с адыгами, были приставские управления, а с 1860 г. окружные органы военно-народного управления Кубанской области, апробированные ранее на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Введение новых форм административного управления у бжедугов, а затем и у других субэтносов стало возможно в результате военного давления царских войск.

Освещая этапы признания адыгскими обществами верховенства власти российского правительства в конце 50-х гг. XIX в., Руслан Султанович не обозначил их хронологические рамки, но справедливо отметил, что именно в них «видны модернизации традиционной системы управления» (С. 223).

На основе широкого круга архивных источников освещены события завершающего этапа Кавказской войны, изъявления покорности адыгскими обществами, показана конструктивная роль отдельных офицеров-администраторов. Но нет детальной картины открытия, функциональных обязанностей кадрового состава приставств и округов. За рамками внимания остался процесс ухода полумиллионного народа в Турцию и его влияние на систему управления, оставшихся на Кубани адыгов.

Для организации системы управления в аулах, Российской администрации нужны были надежные люди. Старая уоркско-княжеская элита этим требованиям, в условиях затухания Кавказской войны, по мнению Российской администрации, не соответствовала, поэтому властями Кубанской области было принято решение о запрещении назначать на должности аульных старшин представителей черкесских княжеских фамилий, что вело к обесцениванию сословной иерархии. Такая целенаправленная деятельность Российской администрации по лишению реальной власти традиционной черкесской элиты, справедливо подчеркивает соискатель, стала фактором, в значительной степени предопределявшим как

конфликтное восприятие самой российской власти и ее институтов, так и обострение напряженных отношений внутри черкесского общества» (С. 277).

Во время подготовки крестьянской реформы, обосновано отмечает соискатель, начальники военно-народных управлений и окружные словесные суды Кубанской области в вопросах освобождения неправильно закрепощенных крестьян, обычно оказывали поддержку последним, в то время как Кабардинский окружной народный суд, как правило, отказывался удовлетворять аналогичные прошения, т.е. права владельцев Кубанской области местной администрацией демонстративно игнорировались (С. 284). В конечном счете, продолжим мысль автора, это инициировало уход адыгов в Турцию. Детально показан процесс подготовки условий освобождения зависимых сословий, их численность, но почему диссертант не использовал опубликованные ранее труды В.П. Невской, Б.М. Джимова, П.А. Кузьмина, П.И. Айбахановой и др.?

События 25 апреля 1868 г. в ауле на р. Ходзь, приведшие к многочисленным жертвам, описаны общо. Указанная автором причина – разоружение горцев, на наш взгляд, не точно раскрывает подоплеку противостояния. В данном случае также не использована работа А.Х. Афашагова «История аула Ходзь», в которой история конфликта освещена полнее. Недостаточное внимание к трудам предшественников – просчет соискателя. Не сделаны и выводы по 3 главе.

В заключительной главе проанализировано взаимодействие традиционного управления адыгов с российскими административными учреждениями в пореформенный период. На объемном фактологическом материале проведена реконструкция событий формирования аульного управления в Кубанской области во второй половине XIX в. Тепло освещена деятельность нового начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Кармалина, который не сторонился встреч с жителями аулов, детально выяснял их нужды и пожелания. Его эрудиция, простота, редкая терпимость, интерес к потребностям простых людей вызывали ответное уважение черкесов (С. 328).

Много внимания Руслан Султанович уделил деятельности «Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей», возглавляемой известным кабардинским просветителем Д.С. Кодзоковым, но работа «Комиссии» на Кубани, в отличие от Терской области, оказалась, по мнению автора, неудовлетворительной (С. 329-332). Почему?

Не смотря на усилия местных властей обстановка на Кубани периодически обострялась. Руслан Султанович детально разбирает конфликты (1868, 1874, 1887 гг.) выявляет как ошибки чиновников, так и

целенаправленные действия «агентов» Турции по дестабилизации обстановки (С. 341) и отдельных представителей мусульманского духовенства. Перелом в настроении адыгов, по мнению соискателя, произошел в годы русско-турецкой и русско-японской войн, когда сотни горцев добровольно ушли на войну, защищать Отечество.

Много места автор уделил освещению фактов заботы администрации делам духовным: выборам священнослужителей в ауле, участке, округе, отделе, области, Северном Кавказе, но где обозначенные в параграфе традиционные институты и работа передовой части населения по ее совершенствованию? Немало интересного материала по истории адыгов приводит соискатель о проектах введения воинской повинности, участии в русско-японской войне, но эти вопросы только косвенно связаны с темой исследования.

Руслан Султанович выявляет расстановку политических сил в регионе, борьбу за власть как со стороны бывшей дворянской знати, так тльфокотльской верхушки. В связи с этим показано содержание мер, к которым прибегала «оппозиция», а также усилияластных структур. Все стороны представлены в действии. Они были в меру организованы, имели четкие очертания, цели и конкретные задачи. Раскрыты формы и методы укрепления власти (выборы старшин в аулах, аульного правления, эфенди и кадиев, депутатов в Горский словесный суд), и др. Для аргументированного доказательства своих выводов, автор обосновал механизмы их реализации, осуществления политики, связанной с модернизацией основных сторон жизни адыгов, опираясь на известные методы и принципы исторического исследования.

В заключение отмечу, что авторскую работу в главах 2 – 4 оцениваю высоко. Методика исследования в сочетании с тщательностью проработки отдельных групп архивных материалов, сопоставление их по округам, участкам, аулам позволяют рассматривать выводы автора, как весьма убедительные.

Сделанные замечания, не умаляют достоинств проделанной работы, которая выполнена на высоком профессиональном уровне. Значимым аспектом работы является блок архивных материалов, представленных в Приложении, которые органично дополняют текст диссертации.

Основные итоги диссертации апробированы в выступлениях соискателя на региональных, российских и международных научных конференциях. Они нашли отражение в двух монографиях, брошюре, 17 статьях, опубликованных в реферируемых изданиях ВАК, нескольких

десятках статей, изданных в различных научных сборниках и журналах, в автореферате диссертации.

Содержание рецензируемой диссертации наглядно свидетельствует, что в исследовании поставлена и решена серьезная научная проблема инкорпорации традиционных форм управления адыгов Северо-Западного Кавказа в российское административно-политическое пространство, подчеркнут прогрессивный характер этого вхождения.

Диссертация Кандора Руслана Султановича «Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы (XIX – начало XX в.)» представляет собой законченный обобщающий научно-квалификационной труд, который внес серьезный вклад в решение фундаментальной проблемы исторической науки. Диссертация соответствует пунктам 9 – 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020).

Автор диссертационного исследования Р.С. Кандор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора исторических наук по Специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

доктор исторических наук,
профессор кафедры Истории России,
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
«Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»

П. А. Кузьминов .....

11 января 2021 г.

Контактная информация:

Адрес места работы: 360004, г. Нальчик,
ул. Чернышевского № 173, КБГУ,
Социально-гуманитарный институт,
профессор кафедры Истории России
Кузьминов Петр Абрамович
Тел. 8(8662) 422462 – дирекция СГИ КБГУ
E-mail: Petrakis_hist@bk.ru

